

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 338 (477)

В. Ф. ОНИЩЕНКО,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой международного менеджмента и маркетинга
Украинского государственного университета финансов и международной торговли
(Киев)*

**РЕАЛИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТАБИЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ ***

Рассмотрены возможности экономического развития Украины в контексте вызовов глобализации, проблем реиндустриализации страны и формирования ее человеческого и социального капиталов. Обосновано, что: 1) Украина является слишком закрытой страной, а потому не способна эффективно усваивать современные технологии производства, организации бизнеса и управления им, а также социальные практики; 2) инновационная экономика возможна только в стране, где есть реальная свобода бизнеса, которой в Украине мало; 3) возможности человеческого капитала в Украине не позволяют ей уверенно встать на инновационный путь развития; 4) отечественные высшее образование и наука не отвечают потребностям рынка и реальным ресурсным возможностям государства и являются неэффективными.

Ключевые слова: кризис, обновление, модернизация, глобализация, догоняющее развитие, инновации, образование, наука, человеческий капитал, доверие.

V. F. ONISHCHENKO,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of International Management and Marketing,
Ukrainian State University of Finances and International Trade
(Kiev)*

**REALITIES AND POSSIBILITIES OF ECONOMIC
STABILIZATION AND DEVELOPMENT OF UKRAINE**

The possibilities of Ukraine's economic development in the context of challenges of the globalization, the problems of country's reindustrialization, and the formation of its human and social capitals are considered. In is substantiated that: 1) Ukraine is a too closed country and, therefore, cannot efficiently master modern production technologies, business organization and management, and social practices; 2) the innovative economy is possible only in a country, where the business is really free, but this is almost absent in Ukraine; 3) the possibilities of Ukraine's human capital do not allow it to surely go on the innovative way of development; 4) the domestic high education and science do not correspond to the requirements of the market and state's real resources and are inefficient.

Keywords: crisis, renewal, modernization, globalization, overtaking development, innovations, education, science, human capital, trust.

Онищенко Владимир Филиппович (Onishchenko Vladimir Filippovich) – e-mail: onishchenko46@ Rambler.ru.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой было положено академиком НАН Украины В.М. Гейцем статьей "Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины" // Экономика Украины. — 2014. — № 12. — С. 4–19.

Своевременно ли обсуждать проблемы восстановления Украины в такое тяжелое время? Сомнения в отношении будущего Украины разрывают сердце каждого ее гражданина. Сегодня трудно делать прогнозы о том, что случится со страной, скажем, на момент, когда эта статья увидит свет. Но, чтобы жить дальше, необходимо в любых условиях верить, что лучшие времена наступят, что война закончится миром и что нам, народу Украины, необходимо строить новое государство, в котором бы царил мир и самоотверженный труд.

О модернизации Украины написано и сказано много, но на деле все остается по-старому, поскольку главное в том, что мы ищем причины неудач в преобразовании страны не в себе. Но проблемы – именно в нас. Это мы – причина неудач. Это наш “дракон” (коррупция, социальная и политическая пассивность, безразличие, неверие в собственные возможности и т. п.), и мы должны уничтожить его в себе. Необходимо признать, что мы “не такие” европейцы, что мы травмированы тяжелым историческим и социокультурным наследием, что мы разные по своей социальной и экономической ментальности, а потому по-разному видим пути к нашему будущему, что и влечет за собой нестабильность украинского общества. Но мы должны побороть это тяжелое наследие. Поэтому сегодня нам нужно определить реальную, а не декларативную, модель своей будущей жизни и стратегию движения к ней, по крайней мере, на пять ближайших лет. Мы должны иметь четкую “дорожную карту” нашего движения, а самое главное – консолидированную нацию, которая шаг за шагом будет преодолевать этот нелегкий путь в европейский мир. А потому императивом развития Украины должны стать развитие государства и формирование политической нации.

Открыть путь в европейский мир означает, прежде всего, изменить вектор общественного развития, а также понять, что современную модернизацию следует осуществлять по всему спектру проблем – от технологий и рыночных трансформаций до демократических реформ в политике.

Война разрушает жизнь миллионам граждан Украины. Она довела и без того слабые экономику и социальную сферу до критической черты. Украина понесла колоссальные потери в 2014–2015 гг. – свыше 20% своего экономического потенциала, цены бешено растут, гривня стремительно падает. Мы стали самым бедным государством в Европе.

С тяжелым багажом проблем мы приступаем к работе, но в любом случае необходимо отстраивать страну, и главное – понимать, “ради чего?” и “как?”. Надо прекратить неконструктивные разговоры об “опережающем экономическом развитии” и т. п. Нам бы выжить, и в этом направлении выход нужно искать сегодня. И еще – необходимо понимать, что без масштабной помощи мирового сообщества мы не справимся с колоссальными вызовами. Соглашаюсь с Дж. Соросом в том, что Украине в ближайшее время требуется 100–150 млрд. евро для стабилизации ситуации и эффективного старта в будущее [1]. Но кто их даст?

Очень важно понимать, что, во-первых, любые реформы, даже наилучшие, имеют свою цену, которую должно заплатить общество, а во-вторых, за переменами (реформами) улучшение не приходит сразу – даже при благоприятных условиях нужно ждать 3–5 лет.

Возникает вопрос: с чего необходимо начинать – с экономики или с институциональных реформ? Безусловно, с экономики, поскольку народ сильно обнищал. Сегодняшние экономические проблемы являются реальной угрозой для нашей государственности, но их примат следует рассматривать в контексте решения безотлагательных политических задач. Без экономики мы не решим задач модернизации армии, мы будем слишком уязвимы к манипуляциям экономическими факторами

со стороны недружественных государств, а бедность населения будет провоцировать беспокойство и радикализм.

Нужен новый курс на развитие Украины. Что касается экономической составляющей такого курса, то необходимо критически оценить реальную ситуацию и иметь четкое представление о возможностях использования преимуществ глобализации и интеграции, реиндустриализации на инновационной платформе и надлежащего развития человеческого капитала.

Глобализация и развитие

Глобализация дает шансы на лучшую жизнь всем, в том числе и Украине, поскольку позволяет эффективно, с учетом определенных национальных особенностей, заимствовать технологии, опыт, технологическую культуру, институции у развитых стран. При этом главным условием догоняющего развития является создание в стране потенциальных социальных и экономических возможностей для усвоения новых технологий, участия в глобальных рынках, привлечения капитала (как собственного, так и иностранного) в реальный сектор национальной экономики, формирования условий для наращивания социального, человеческого и интеллектуального капиталов.

Необходимо согласиться с мнением Л. Евстигнеевой и Р. Евстигнеева, что “глобальная экономика все больше проявляет себя как экономика конвергентная, которая пытается найти для национальных рынков эффективное место в структурах мирового рынка. Собственно говоря, смысл догоняющего развития в том и заключается, чтобы соединить усилия догоняющих и развитых стран, попытаться встроить локальную экономику в процессы международной интеграции. Конвергенция, понимаемая таким образом, очень важный механизм догоняющего развития, который подготавливает бизнес к эффективному усвоению опыта конкурирующих сторон” [2, с. 82]. В этом тезисе есть правильный акцент на том, что глобальная экономика в лице глобальных институций и ведущих стран пытается помочь отстающим странам. Какова эффективность этого процесса – особый вопрос, и здесь есть разные мнения, иногда полярные. В этом контексте хотел бы обратить внимание на работы Э. Райнерта [3] и Д. Родрика [4], которые обрели популярность у нас и в России.

Например, центральным положением неоднозначной работы Э. Райнерта является утверждение, которое кратко можно сформулировать так: богатые страны не дают бедным странам развиваться через механизм свободной торговли и “неправильной глобализации”; они всячески сдерживают в других странах развитие обрабатывающей промышленности как необходимое условие для процветания. Но это, скорее, “левые” лозунги, чем результат непредвзятого научного анализа. Ведь многие страны воспользовались глобализацией – в частности, Китай, Индия, Турция.

Так, Э. Райнерт пишет: “...Я утверждаю, что у истоков успешного развития лежит ... эмуляция (*имитация с целью сравниться или превзойти*. – О.В.Ф.), а не сравнительные преимущества или свободная торговля” [3, с. 24]. Кто бы спорил, это признанный факт. Но надо понимать, что свободная торговля, как и открытость страны, – это принципиальное условие для успешной эмуляции. Отмечу, что “свободной торговли” в понимании Э. Райнерта не существует, поскольку она регулируется условиями ВТО, которые, напоминая, предусматривают определенные преференции развивающимся странам. Просто необходимо убедительно доказать, что они нужны стране, и умело их использовать.

Безусловно, свободная торговля приносит определенные неприятности украинской экономике, которая является открытой, если ее оценивать, скажем, через показатели экспортной, импортной и внешнеторговой квот по отношению к ВВП (за последние 5 лет экспортная квота превышала 45%, а импортная – 55%, что свидетельствует не об открытости экономики, а, скорее, о ее зависимости от внешней

торговли и конъюнктуры мировых рынков). Но открытость национальной экономики и общества — это, прежде всего, свободное движение товаров, капиталов, людских ресурсов, знаний и технологий, культурный обмен и т. п. Именно это и определяет потенциал страны к эмуляции. А здесь у нас дела плохи. По индексам свободы торговли, бизнеса, стимулирования торговли, способности к усвоению технологий, участия в глобальных цепочках добавленной стоимости и другим мы находимся далеко не в числе лучших. Иначе говоря, на самом деле Украина недостаточно интегрирована в мировое сообщество, что является существенным барьером для усвоения передовых технологий, промышленной культуры, знаний и т. п.

Что касается постоянного преимущества развитых стран над бедными и их попыток “сдерживать развитие обрабатывающей промышленности”. Дело совершенно не в “злых капиталистах”: у бедных стран отсутствуют или находятся на низком уровне промышленная культура и способность к инновациям. Также вспомним в этом контексте эффект накопленных преимуществ (его еще называют “эффект Матфея”), который действует сегодня и будет действовать всегда.

Что касается “неправильной глобализации” по Э. Райнерту [3, с. 131–234]. Общеизвестен тот факт, что вектор глобализации всегда нацелен от более развитой страны (цивилизации) к менее развитой. На сегодня европейская либеральная модель в разных цивилизационных вариациях — наилучшая, других пока нет; признанным лидером являются США. Глобализация как процесс всегда принимает облик наиболее конкурентной культуры (или культур), что естественно. Но если мы будем насильно внедрять то, чего большинство мирового сообщества не воспринимает, то это и будет насилие над процессом глобализации, и тогда его можно назвать “неправильным”. Несомненно, если, кроме существующей, другой конкурентной модели нет, то все неприятности с глобализацией будут “вешаться” на лидера. Но пока все желают жить в США или в странах ЕС, что подтверждает их конкурентоспособность. Других критериев я не вижу.

Безусловно, глобализация требует перемен, и они наступят, хотим мы этого или нет, поскольку между странами возникли серьезные противоречия, увеличился разрыв между развитыми и другими странами по уровню жизни, а также появились другие противоречия и дисбалансы. “Грехи” глобализации предупреждают нас, что этот процесс в его сегодняшнем контенте приближается к состоянию турбулентности, за которым проследуют состояние бифуркации и новый облик глобализации. И это естественно, поскольку глобализация как нестационарный процесс, происходящий на множестве нелинейных систем, всегда сопровождается возмущениями, которые будут постоянно фрагментировать мир в экономической, политической и культурной сферах бытия человечества. Поэтому “гиперглобализации” (термин Д. Родрика) действительно не может быть. Глобализация в парадигме XX в. достигла своего предела и теперь, как этого требует диалектика развития, будет естественно переходить к новой. Мировой элите не нужно этому мешать и пытаться удержать Мир в устаревших формах. Необходимо четко понимать, что люди не управляют глобализацией, она является естественным процессом, в основе которого лежит борьба разных интенций и интересов. Мы можем лишь в определенной мере “подталкивать” процессы в направлениях, которые кажутся нам правильными, но мы не властны долго удерживать глобализацию в каких-то выдуманных нами конструкциях [5].

В отличие от Э. Райнерта, Д. Родрик (который, кстати, в своей известной работе его не упоминает), на мой взгляд, взвешенно и конструктивно разбирается с проблемами современной глобализации. Он правильно уловил одно из важных противоречий глобализации — стремление к всеохватывающей глобализации (гиперглобализации) неизбежно ставит проблемы цивилизационных взаимоотношений,

суверенитета государств, демократии и “глобальной бюрократии”. Именно эти проблемы и обострились сегодня.

Соглашаюсь с Д. Родриком в части его главного тезиса: если нам нужна более глубокая глобализация, то необходимо отказаться либо от национального государства, либо от демократической политики. Чтобы сохранить и укрепить демократию, придется делать выбор между национальным государством и международной экономической интеграцией. А если приоритетами объявлены национальное государство и самоопределение, то следует выбирать между углублением демократии и углублением глобализации [4, с. 14]. Я разделяю его выбор относительно того, что “...демократия и национальное самоопределение важнее гиперглобализации”, ведь именно демократия и национальное самоопределение Украины являются главным императивом ее развития. Прежде чем “глобализироваться”, необходимо иметь крепкое государство, поскольку в противном случае страну по разным причинам более сильные будут тянуть в свое хозяйство.

Сегодняшние события это подтверждают. Кризис, в котором оказалась Украина в настоящее время, имеет как внутренние, так и внешние движущие силы. Причем к вооруженному противостоянию привела внешняя сила, потому что внутренние силы не являются антагонистическими (по крайней мере, они такими не были до боевых действий), они серьезные, но ситуационные. Внешняя сила — это не капризы определенного лица, это исторически сформированная цивилизационная ментальность целого народа, государственность которого все время удерживалась на жесткой территориальной экспансии и замкнутости в своем православном мире, атрибутом которого был “помазанник божий” — царь. Сегодня она укрепляется, охватывая широкие слои населения России.

Позиции известных русофилов и апологетов “русского мира” типа А. Дугина хорошо известны, но меня удивил факт, что и российские экономисты, известные как европейские либералы, тоже примкнули к этому лагерю. Приведу тезис российских экономистов Л. Евстигнеевой и Р. Евстигнеева, которые, рассматривая место России в новом формате мирового экономического пространства в контексте глобального культурного ландшафта (экономика как часть культурного ландшафта. — *О.В.Ф.*) и оперируя фундаментальным понятием “формы Бытия”, пишут: “Мы выделяем два типа Бытия. Первый тип представлен космическим единством Бог — Бытие — Человек. Это западный рациональный тип. Второй тип связывает данные понятия по-другому: Бог — Человек — Бытие. Это творческий, иррациональный тип. Он присущ космическим функциям России (православию). Если рациональный тип нуждается в конкретизации в формах общества исполнителей, то иррациональный развивает идеи и институты свободы, то есть это тип общества творцов” [6, с. 142]. И далее — “воля творцов нацелена на свободу выбора в рамках развития общества как цивилизации, то есть единства земли, на которой исторически живет страна, народа, объединенного общественной кооперацией труда, и массового общественного сознания, которое основано на понимании исторической судьбы своей цивилизации” [6, с. 142].

В этом контексте есть ряд вопросов. Что Россия создала великого и неповторимого для Человечества, чтобы претендовать на “особую цивилизацию”? Неужели творчество должно быть иррациональным? Разве иррациональность определяет реальную человеческую жизнь и формы и содержание ее существования? Ведь они конкретны и рациональны по своей природе. Напомню: иррациональное — это то, что не может быть постигнуто разумом, что явно не подчиняется законам логики. Действительно прав Ф. Тютчев: “умом Россию не понять”. Потому мы и не идем в “русский мир”, ведь с ним мы утратим государственность и стратегически проиграем в экономическом и социальном развитии, поскольку будем жить в обществе управляемой демократии, низкого инновационного потенциала и имперского об-

ществленного мышления. Более детально риски евразийской интеграции рассмотрены автором в одноименной статье [7].

Что касается европейской интеграции, то экономические расчеты ИЭП НАН Украины подтверждают правильность выбранного пути [8]. Но на нем есть ряд предостережений, касающихся формирования не только экономического, но и социального, культурного и институционального потенциалов в европейском дискурсе, без которых до Европы мы не дойдем [9].

Чтобы использовать глобализацию для собственного развития, Украине необходимо сформировать новую внешнеэкономическую политику, которая бы четко вписывалась в контекст соответствующих политик как ведущих государств, так и стран, которые стремительно развиваются. Следует понимать, что “реальные масштабы современной экономики и соответственно внешнеэкономической деятельности определяются не столько размером экспорта и импорта, сколько объемом добавленной стоимости, которую создает та или иная страна, ее влиянием в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости (GVC)” [10, с. 21]. Поэтому, как справедливо замечает Л. Шинкарук, “от того, какое место займет экономика Украины в цепочках создания добавленной стоимости и на каких условиях она будет действовать как участник таких объединений, зависит и успешность модернизации, и дальнейшие пути развития” [11]. Это требует переосмысления целей и механизмов внешнеэкономической и промышленной политики страны, а именно сегодня важно включиться в такие цепочки, но для этого необходимо создать технологические предпосылки, которых у нас, откровенно говоря, немного.

В настоящее время основными участницами глобального процесса создания добавленной стоимости являются страны Северной Америки, Центральной и Восточной Европы, а также Юго-Восточной Азии. Другие страны практически не участвуют в нем. По развитости GVC (11.05 индикатор глобального рейтинга конкурентоспособности стран по версии WEF) Украина занимает в мировом рейтинге 2014 г. низкое (как для страны с достаточным промышленным потенциалом) 79-е место, Польша – 53-е, Китай – 21-е, Россия – 96-е, Азербайджан – 75-е, Казахстан – 109-е, Турция – 54-е [12].

Напомню, что глобальную торговлю контролируют ТНК, на которые приходится свыше 80% мировой добавленной стоимости, создаваемой в GVC. Они могут запустить технический прогресс в одной стране и остановить его в другой. От объема заказов, которые корпорации размещают в той или иной стране, зависят скорость развития их экономик, объемы внешней торговли и место каждой из них в мировом разделении труда. Иначе говоря, не государства по образцу Украины определяют свое место в GVC, а ТНК. Именно они решают, удобно им или нет работать в той или иной стране.

Главный фактор для вхождения в GVC – уровень транзакционных издержек. Чем он ниже, тем привлекательнее страна для ТНК, но у нас этот показатель слишком высок. Уровень транзакционных издержек внешней торговли страны отражает ее рейтинг по глобальному индексу стимулирования торговли и его составляющим, который ежегодно рассчитывается WEF. В 2014 г. Украина по индексу стимулирования торговли заняла 83-е место среди 138 стран; по субиндексам “доступ к национальному рынку” – 22-е, “доступ к зарубежным рынкам” – 61-е, “эффективность и качество таможенных процедур” – 100-е, “доступность и качество транспортной инфраструктуры” – 55-е, “доступность и качество транспортных услуг” – 61-е, “доступность и использование информационных технологий при осуществлении торговых операций” – 70-е, “качество операционной среды” (защита прав интеллектуальной собственности, доступ к финансовым ресурсам, открытость для иностранных участников и т. п.) – 103-е [13]. Как видно, мы фактически не проводим работу по оптимиза-

ции (упрощению) условий торговли в рамках соглашения с ВТО, а именно это — снижение расходов и привлечение заказчиков по услугам GVC и аутсорсингу, и не только.

Второй важный момент заключается в том, чтобы сделать внешнеторговую и промышленную политику страны понятной и предсказуемой для ТНК. К сожалению, пока Украина остается для международных корпораций страной с неопределенными институциями и будущим. Поэтому, как следствие, в 2013 г. Украина по глобальному индексу инвестиционной привлекательности стран заняла 117-е место среди 191 страны. Для сравнения: по этому индексу Литва находится на 29-м, Польша — на 33-м, Словакия — на 34-м, Венгрия — на 37-м месте [14]. В 2015 г. ситуация в Украине значительно ухудшилась, но, если мы говорим о будущем, то должны уже сегодня делать все возможное, чтобы представлять интерес для международного бизнеса.

Реиндустриализация и инновации

С некоторыми допущениями возможно согласиться с риторическим тезисом Э. Райнерта о том, что лучше иметь неэффективную промышленность, чем вообще ее не иметь, а также с таким положением: “если экономика страны достаточно сильна, чтобы позволить ее промышленному сектору выжить, такая страна попадает в список богатых; в противном случае страна деиндустриализируется и опускается, попадает в группу бедных стран” [3, с. 194–195]. Чтобы такого не было, промышленный сектор Украины может и должен выжить, поскольку мы имеем достаточно развитую промышленную культуру. Но для этого, при необходимости и возможности, нужно многое не модернизировать и ремонтировать, а отстраивать по-новому. Во многих случаях ремонтировать и поддерживать старое труднее, чем построить новое, ведь для построения нового легче привлечь иностранный капитал, новые технологии и т. п. Индустриализация страны на новой технологической основе — смысл нашего экономического развития.

Безусловно, страна наша еще далека от создания прорывных технологий и выхода с высокотехнологичной продукцией на главенствующие позиции мирового рынка. Прорыв на внешние рынки наукоемкой продукции реалистичен лишь при наличии достаточно емкого внутреннего рынка, устойчивого и масштабного внутреннего спроса на инновации. Если такой спрос есть, то инновационные продукты распространяются с большой скоростью. Иначе говоря, речь идет о важности спроса как фактора, формирующего инновационное общество.

При непростых обстоятельствах в Украине появился спрос на продукцию оборонно-промышленного комплекса, что может стать катализатором ее промышленного развития. Добавлю также, что мы должны обратить серьезное внимание на развитие машиностроения для аграрной сферы. Необходимо, чтобы мы действительно обеспечили функционирование АПК, а не только собирали зерновые и торговали ими. Ведь есть и другие перспективные направления.

В целом наши возможности реиндустриализации очень скромны. Но чтобы их задействовать и дать толчок к развитию, необходимо организовать и поддерживать инвестиционный бум. Это является ядром промышленной политики. Как это сделать? Очень просто — предоставить бизнесу свободу. Все остальное — от лукавого, под которым я понимаю нашу бюрократию. Поэтому мне не совсем понятно, что имеет в виду В. Гецц, когда говорит, что промышленную инновационную политику следует возложить “на так называемые институты развития”. Далее автор уточняет свое предложение: “На базе институтов развития могут формироваться и институты, отвечающие за стратегическое развитие на уровне государства или региона. Следовательно, речь идет об инфраструктурном проекте общегосударственного или регионального уровня, реализация которого направлена на обеспечение эффективной экономической деятельности. Это так называемые организации макроэкономического измере-

ния. На микроэкономическом уровне — это организации, которые несут ответственность за развитие отдельных бизнесов, прежде всего инновационной направленности” [15, с. 10].

Замечу, что бизнес должен сам за себя нести ответственность, а что касается “ответственности” центров, то она, как нам хорошо известно, иллюзорна. Государство и его институты, которые сегодня отвечают за инновационное развитие, мягко говоря, не разбираются в нем и разрабатывают всяческие программы, чтобы оправдать свое существование. Вспомним законы Паркинсона. То же самое будет и завтра. Только рынок может регулировать отношения между наукой и образованием и бизнесом в части превращения их достижений в инновацию.

В этом контексте также отмечу, что не нужны государственный “специальный орган, который будет предоставлять соответствующие консультации и организовывать соответствующие бизнесы”, специальный государственный орган, который должен осуществлять инкубаторизацию инновационной деятельности [16, с. 20–21], “Национальный совет, отвечающий за правовое обеспечение инновационного и предпринимательского аспектов промышленной политики”, если она будет правительственной [16, с. 23]. Только рынок, только реальный капиталист могут стать двигателем развития, а “институтами развития” должны быть университеты, научные и инженерные центры и т. п., ведь именно они нуждаются в государственной поддержке, но выборочно, то есть те из них, у которых есть реальные научный и инженерный потенциалы для решения проблем государственного веса (в частности, обороноспособности, ядерной энергетики, авиакосмической отрасли, информационной безопасности государства, общегосударственных инфраструктурных проектов). Что касается других проектов, то государство должно инициировать и поддерживать (не деньгами) разные формы самоорганизации бизнеса в плоскости его инновационного развития по образцу упомянутого национального совета или региональных советов. Финансовая же поддержка государства должна осуществляться через систему госзаказов и госзакупок.

Необходимо четко понимать, что образование и наука — это процесс превращения денег в знания, а инновации — превращения знаний в деньги. Для создания инновации необходимы: 1) люди, которые бы воспроизводили новые знания (фундаментальная наука отвечает на вопросы “как и почему?”); 2) люди, которые бы могли понять, как эти знания возможно воплотить в процесс создания новой технологии и нового продукта (прикладная наука, инженерия — соответственно, “для чего и как?”); 3) люди, которые могут вложить деньги для налаживания новых технологий и производства новой продукции (бизнес — “для кого и как?”). Кто является ведущим в этом процессе? Тот, кто получает деньги от реализации и обеспечивает новый цикл воспроизводства инноваций, то есть бизнес. Он двигатель инновационного процесса (по Шумпетеру). Поэтому, пока не будет заинтересованного бизнеса, рано говорить об инновационном развитии. Государство должно сконцентрировать внимание на центральной фигуре нашего будущего — предпринимателе. А уже он решит проблемы и образования, и науки, и многого того, что формирует “человеческий капитал” — стратегический ресурс человеческого развития. Предприниматель — первичен, государство — вторично в воспроизводстве национального богатства. Именно те государства, которые реально через поколения исповедуют этот принцип, достигли выдающихся успехов в развитии. В Украине пока мало понимания этого очевидного феномена, а потому мы отстающие.

Человеческий капитал

Формирование будущей экономики инновационного типа предполагает высокий уровень индустриального развития страны как необходимое, но не достаточное условие — требуется еще новое качество человеческого капитала. Ключевым факто-

ром современного экономического развития являются инвестиции в человека. Именно они создают условия для динамичного, устойчивого роста, для постоянной адаптации социально-экономической структуры общества к новым, непрогнозируемым поворотам научно-технического прогресса.

Экономическую деятельность и склонность к инновациям людей необходимо рассматривать как синергетический результат их экономического, социального и культурного бытия в историческом развитии. Более того, инновационную деятельность необходимо рассматривать в социальном контексте, поскольку именно через него происходит перенесение нововведений из сферы непосредственного опыта в сферу опыта социально-исторического. Именно тогда инновации закрепляются в сознании народа и влекут за собой перемены в его ментальности, в том числе и в экономической.

Полностью соглашаюсь с тезисом В. Гейца о том, что “одной из преград активизации инновационных процессов в промышленности Украины ... является уменьшение способности населения к промышленной деятельности как таковой, прежде всего, из-за недостаточного роста уровня образования” [16, с. 6].

Украина не отстает в мире в развитии высшего образования по формальным показателям (в 2014 г. она занимала 40-е место среди 144 стран), количеству университетов и других вузов, студентов. На 1 января 2014 г. у нас было 325 вузов всех форм собственности 3-го и 4-го уровней аккредитации, в том числе государственных — 232 (141 университет, 52 академии, 39 институтов и консерваторий) и других форм собственности — 126 (35 университетов, 9 академий и 82 института); численность студентов составляла 1723,7 тыс. чел. (или 80% общей численности студентов). Почти 55% студентов государственных вузов 3-го и 4-го уровней аккредитации обучались за средства государственного бюджета *. Подавляющее большинство государственных университетов имеют статус “национальный”, а 14 из них до недавнего времени — еще и статус “национальный исследовательский”, что представляет собой своеобразную местечковую “лигу плюща” по примеру “Лиги Плюща” в США (состоящей из 8 наиболее выдающихся американских университетов). Тратим немалые бюджетные деньги на содержание этого добра.

Если сопоставить количество выпускников школ 2-й и 3-й ступеней аккредитации с численностью принятых в вузы всех уровней аккредитации в течение 2010–2013 гг., то все они учатся в вузах. У нас высшее образование стало настолько доступным, что учатся и получают дипломы все, кто пожелает и имеет не такие уж и большие деньги. Замечу, что в 2013 г. было выпущено 94 тыс. магистров (всего выпуск составил 485,3 тыс. чел.), из которых 28 тыс. — экономисты, свыше 8 тыс. — менеджеры, 8 тыс. — юристы, 1,5 тыс. — международники **. Иначе говоря, формально высшее образование “работает” хорошо. Но на сегодня уровень подготовки кадров критичен. У нас просто много людей с высшим образованием, вернее, как заметил М. Згуровский, с “псевдообразованием”.

На начало 2014 г. в Украине было 16450 докторов наук (из которых в вузах работают 14269 чел. (или 86,7%)) и 90113 кандидатов наук (из которых в вузах работают 69582 чел. (или 77,2%)), то есть основной научный потенциал страны сконцентрирован в сфере высшего образования ***. Но почему страна тратит большие, как для нас, денежные средства, а массово получает слабых специалистов?

У нас не хватает профессиональных рабочих. Если в вузах всех уровней аккредитации в 2013/2014 учебном году обучались 2053 тыс. чел. (в том числе в вузах 3-го и 4-го уровней аккредитации — 1724 тыс. чел.), то в ПТУ — 86 тыс. чел., то есть 4%

* Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України у 2013 році : стат. бюл. — К., 2014. — С. 11.

** Там же. — С. 77.

*** Там же. — С. 96.

всех, кто получает профессиональное образование *. Фактически страна не имеет людей, которые бы могли что-то реально делать руками.

Поэтому правильно выбран курс на сокращение количества вузов, и в первую очередь – государственных. Правда, ему есть сопротивление, которое надо победить. Необходимо установить жесткие требования для предоставления лицензий. Должен быть установлен высокий барьер ВНО для поступления в вузы 4-го уровня аккредитации, ведь не все могут учиться в университетах. Следует оптимизировать государственное финансирование высшего образования и выделять деньги только под обоснованный государственный заказ. Государственные службы должны заказывать специалистов для собственных потребностей и нести ответственность за эти заказы. Студенты должны подписывать контракт с государством, по которому оно оплачивает их обучение, а выпускник – обязательно отработать определенный срок на конкретном рабочем месте. Если он уклоняется от выполнения контракта, то должен вернуть деньги. Нужно ввести мониторинг обучения студентов за бюджетные средства, чтобы государство имело высококвалифицированного специалиста. Целесообразно пересмотреть государственные преференции в отношении поступления и обучения в вузах 4-го уровня аккредитации.

О состоянии науки в Украине написано много. Говорят, что оно катастрофическое, что Украина по сравнению с европейскими странами находится в интеллектуальном упадке и т. п. Это факт, но почему у нас науки становится меньше, а ученых – больше? Например, в 2005 г. было 12014 докторов наук, а в 2013 – 16450, то есть их приросло на 37% (или на 4436 чел. – в среднем по 500 чел. в год). Кандидатов наук за этот же период приросло на 32% (или на 21822 чел. – в среднем приблизительно по 2700 чел. в год **). Таким образом, в стране ежегодно защищают диссертации около 3200 чел. Это просто вакханалия интеллекта, а не упадок. До этой “вакханалии интеллекта” довели нас безответственность и беспринципность национального научного общества в отношении присвоения ученых степеней и званий.

А. Головатюк [17] и В. Соловьёв [18] переживают, что Украина постоянно теряет свои инновационный и научный потенциалы, что сокращается численность исследователей и научных учреждений и т. п., что это существенно усложняет переход украинской экономики на инновационную модель развития. Это правда: по материалам Государственной службы статистики Украины, в стране количество учреждений, занимавшихся научно-технической деятельностью на протяжении 2005–2013 гг., уменьшалось. Если в 2005 г. их было 1510, то в 2013 г. – 1143. Но замечу: если учреждений по техническим и естественным наукам стало намного меньше, то по гуманитарным их количество выросло с 31 до 48, а по общественным – практически не изменилось. Численность специалистов, выполнявших научные и научно-технические работы, уменьшилась за этот период со 105,5 тыс. чел. до 77,9 тыс. ***.

Этот процесс будет продолжаться, и это нормально, ведь он не усложняет, а наоборот – упрощает переход к инновационности. Лучше меньше, но эффективнее. Науки и высшего образования должно быть столько, сколько это необходимо обществу и сколько оно может содержать в надлежащем состоянии. Иначе говоря, речь идет о формировании оптимальной интеллектуальной сферы, которая, при определенных рыночных и бюджетных ограничениях, может быть максимально полезной для экономики, а не бременем для государства. Если бы у нас была такая экономика, скажем, как в Польше, тогда можно было бы говорить, что мы отстаем в сфере научного поиска, а это угрожает государству. Но на сегодня ему грозит содержание чрезмерного количества ученых.

* Україна в цифрах 2013 : стат. зб. – К. : Державна служба статистики України, 2014. – С. 196.

** Там же. – С. 150.

*** Там же.

Если проанализировать глобальный рейтинг инновационности Украины по составляющим, то видно, что по наличию инженеров и ученых наше государство занимает 46-е место среди 148 стран, а по способности к инновациям – 100-е [16, с. 24]. Это свидетельствует о низком уровне профессионализма наших инженеров и ученых, ведь “наличие” не означает “эффективность”.

Наша научная система архаична – НИИ, большие научные коллективы, академики-администраторы и т. п. Для СССР это подходило, а для рыночной экономики – нет. Эти монстры (скорее, остатки от них) не поворотливы, а потому наука оторвана от потребностей рынка. К тому же необходимо учитывать и возрастную структуру научной элиты: в 2013 г. докторов наук старше 60 лет было 51,2%*.

Необходимо сделать аудит инфраструктуры НАН и оставить только ту, которая действительно служит науке, как это предлагает Н. Шульга [19]. Следует разобраться с “национальными академиями”, их слишком много. Нужно, по крайней мере, объединить их в одну и определиться с ее финансированием за бюджетные средства. Задача непростая, но решать ее необходимо с государственных позиций, то есть с позиций налогоплательщика.

Поддерживать важно малый и средний научный и инновационный бизнес, малые, динамичные формы организации науки, которые могут мобильно менять свою деятельность в рамках собственных компетенций, конкурировать между собой, ведь конкуренция побуждает их к инновациям, к приспособлению при помощи аутсорсинга и других бизнес-стратегий к международным научным проектам.

Что касается крупных проектов типа “научные парки”, которые, по распространенному мнению, должны продвигаться государством, то, как показывает практика, они становятся “черной дырой” для бюджета и пространством для всяческих злоупотреблений. “Парки” должны быть естественным продуктом рынка, который бы организационно и смыслово сочетал бизнес, науку и общественные потребности. Государство же должно институционально поддерживать такие структуры, а не искусственно (формально) сочетать их, да еще и “что-то” финансировать для поддержки.

Когда задают вопрос о том, почему у нас в течение стольких лет, несмотря на все разговоры, мало инновационных предприятий, ответ тривиален: во-первых, отсутствует достаточное количество людей (ученых), способных к разработке научного продукта как основы для инновации, и инженеров, которые бы могли что-то сконструировать; во-вторых, нет интереса к инновации со стороны бизнеса, поскольку он не видит возможностей заработать больше, чем он зарабатывает на привычных, простых видах бизнес-деятельности.

Безусловно, сам по себе будущий доход от инновации представляет очень серьезный интерес для инноватора, но есть то, что не вписывается в классический экономический дискурс, – интенции и условия их реализации. Дело в том, что научные открытия и изобретения не всегда стимулируются деньгами. Во многих случаях они являются продуктом человеческой заинтересованности, стремления к самоутверждению и к самореализации в глазах своих коллег и общества. Поэтому, когда мы говорим об инновационном обществе, о человеческом или социальном капитале, то необходимо понимать, что такие социально-этические понятия, как “счастье”, “честность”, “доверие”, “достоинство”, “свобода”, “самоутверждение”, “слава” и др., которые ортодоксальная экономическая теория не относит к экономическим, по моему мнению, современная экономическая теория и практика должны учитывать.

В этом контексте я хочу обратить внимание на теоретическую конструкцию экономических отношений буржуазного (рыночного) общества Д. Макклоски, в рамках которой она предлагает рассматривать человеческое достоинство и свободу и считает,

* Там же. – С. 153.

что они являются импульсом к инновациям. А. Заостровцев, на мой взгляд, правильно акцентирует тезис Д. Макклоски, что “идея свободной и достойной буржуазии привела к идеям парового двигателя, массового сбыта и демократии” [20, с. 133].

И еще – о влиянии на экономическую жизнь и экономическую культуру общества информационного давления или, как его называет Д. Макклоски, “риторики”, под которой она фактически понимает коммуникационное влияние на формирование в обществе определенной экономической ментальности, я бы сказал, экономической идеологии [21, с. 415]. Ее важность очевидна в формировании и реализации экономической политики на уровне любого значимого субъекта управления, особенно на уровне государства. Более того, Д. Макклоски утверждает, что “оценки, мнения, разговоры на улицах, представления, ожидания, надежда – это то, что двигает экономику” [21, с. 416]. Для Украины сегодня это чрезвычайно важное обстоятельство. Необходимо в трудные времена испытаний и принятия стратегических решений обращаться к обществу, как это делал Рузвельт в годы Великой депрессии, разъяснять людям, что конкретно государство хочет сделать, и призвать их к поддержке. Необходимо говорить с обществом о добродетелях рынка, о предпринимателе как инноваторе, то есть формировать в обществе доверие к бизнесу, которое является основой его общественного достоинства и определенным общественным побуждением к инновационности. Вероятно, что, с точки зрения “чисто” экономического подхода, это не совсем корректно. Но кто на сегодня установил, где начинаются и заканчиваются рамки экономического дискурса и начинаются другие (скажем, социального, этического, нравственного или правового дискурсов)? Поэтому я поддерживаю тезис Д. Макклоски о том, что “для понимания экономики необходимо более тщательное изучение истории, философии, лингвистики, социологии, политики и других дисциплин. Именно возвращение экономических проблем в более широкий комплекс вопросов, связанных с развитием идей, трансформаций духа и ценностей, может приблизить нас к пониманию того, как возникла и по каким принципам развивается цивилизация, сделавшая нас богатыми” [22, с. 40].

Для Украины путь к покою и богатству будет очень нелегким. А потому сегодня в состоянии бифуркации нам, как никогда, необходимо выбрать правильный путь и взять надлежащий старт, базируясь на реальных оценках своих возможностей. По сути, страна все начинает сначала. Очень важно, чтобы уроки прошлого мы запечатали на своей жизни, чтобы мы верили в собственные силы, чтобы Бог спасал нас от “заклятых друзей”, а от врагов мы бы избавлялись сами, чтобы мы имели ясный ум и политическую волю к развитию новой Украины.

Список использованной литературы

1. Сорос об Украине // Украинская правда. – 2015. – 11 января [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/01/8/7054342>.
2. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Тайна догоняющего развития // Вопросы экономики. – 2013. – № 1. – С. 81–96.
3. *Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными ; [пер. с англ. Н. Автономовой]; [под ред. В. Автономова] : 2-е изд. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
4. *Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики ; [пер. с англ. Н. Эндельмана] ; [под ред. А. Смирнова]. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – 576 с.
5. *Онищенко В.* Феноменологія глобалізації // Економічна теорія. – 2014. – № 2. – С. 32–43.
6. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Контуры нового экономического пространства // Вопросы экономики. – 2014. – № 11. – С. 140–155.

7. *Онищенко В.* Ризики євразійської інтеграції // Європейський економічний журнал. — 2013. — Т. 12 (1). — С. 42–55.
8. Інтеграційні можливості України: перспективи та наслідки : наук. доп. ; [за ред. В.М. Гейця, Л.В. Шинкарук]. — К. : Ін-т екон. та прогнозів. НАН України, 2014. — 92 с.
9. *Онищенко В.* Соціальний контекст євроінтеграційної стратегії України // Економічна теорія. — 2008. — № 2. — С. 23–36.
10. *Мау В., Улюкаєв А.* Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. — 2014. — № 11. — С. 4–24.
11. *Шинкарук Л.* Інтеграційні можливості України в ЄС та торговельні конфлікти з Росією: реалії та міфи [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.pic.com.ua/v-instituti-ekonomiky-analizuyut-jevrointehratsiyu-ukrajiny-v-umovah-torhivelnosti-vijny-z-rf.html#sthash.QaSwKU2c.dpuf>.
12. The Global competitiveness Report 2014–2015 [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>.
13. The Global Enabling Trade Report 2014 // World Economic Forum [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.scribd.com/doc/30982200/Global-Enabling-Trade-Report>.
14. World Investment Report 2014. New York and Geneva, 2014 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf.
15. *Гец В.М.* Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины // Экономика Украины. — 2014. — № 12. — С. 4–19.
16. *Гец В.М.* Барьеры на пути развития промышленности на инновационной основе и возможности их преодоления // Экономика Украины. — 2015. — № 1. — С. 4–25.
17. *Головатюк В.* Інноваційний розвиток української економіки: світовий досвід // Дзеркало тижня. — 2014. — № 8.
18. *Соловійов В.* Ох, ці сучасні економісти // Дзеркало тижня. — 2014. — № 19.
19. *Шульга Н.* Еволюція з прискоренням // Дзеркало тижня. — 2015. — № 5.
20. *Заостровцев А.* Экономист об истории: концепция Дейдры Макклоски // Вопросы экономики. — 2014. — № 12. — С. 129–146.
21. *Макклоски Д.* Риторика этой экономической науки / Философия экономики. Антология ; [под ред. Д.М. Хаусмана]. — М. : Изд-во Института Гайдара. — С. 399–418.
22. *Макклоски Д.* Экономика с человеческим лицом, или гуманомика // Вестник СПбГУ. — Серия Экономика. — 2013. — № 3. — С. 37–40.

References

1. *Soros ob Ukraine* [Soros about Ukraine]. *Ukr. Pravda – Ukrainian Truth*, 2015, January 11, available at: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/01/8/7054342> [in Russian].
2. Evstigneeva L., Evstigneev R. *Taina dogonyayushchego razvitiya* [Mystery of overtaking development]. *Voprosy Ekon. – Quest. Econ.*, 2013, No. 1, pp. 81–96 [in Russian].
3. Reinert E. *Kak Bogatye Strany Stali Bogatymi, i Pochemu Bednye Strany Ostayutsya Bednymi, pod red. V. Avtonomova* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor], edited by V. Avtonomov. Moscow, Publ. House of the State Higher School of Economy, 2014 [in Russian].
4. Rodrik D. *Paradoks Globalizatsii: Demokratiya i Budushchee Mirovoi Ekonomiki, pod red. A. Smirnova* [The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy], edited by A. Smirnov. Moscow, Gaidar Institute, 2014 [in Russian].
5. Onyshchenko V. *Fenomenologiya globalizatsii* [Phenomenology of the globalization]. *Ekon. Teoriya – Econ. Theory*, 2014, No. 2, pp. 32–43 [in Ukrainian].
6. Evstigneeva L., Evstigneev R. *Kontury novogo ekonomicheskogo prostranstva* [Contours of a new economic space]. *Voprosy Ekon. – Quest. Econ.*, 2014, No. 11, pp. 140–155 [in Russian].

7. Onyshchenko V. *Ryzyky evraziis'koi integratsii* [Risks of the Euroasian integration]. *Evrop. Ekon. Zh.* – *Eur. Econ. J.*, 2013, Vol. 12 (1), pp. 42–55 [in Ukrainian].
8. *Integratsiini Mozhyvosti Ukrainy: Perspektyvy ta Naslidky, za red. V.M. Heyetsya, L.V. Shynkaruk* [Ukraine's Integrational Possibilities: Perspectives and Consequences], edited by V.M. Heyets, L.V. Shynkaruk. Kyiv, Inst. for Economics and Forecast. of the NASU, 2014 [in Ukrainian].
9. Onyshchenko V. *Sotsial'nyi kontekst evrointegratsiinoi strategii Ukrainy* [Social context of Ukraine's eurointegrational strategy]. *Ekon. Teoriya – Econ. Theory*, 2008, No. 2, pp. 23–36 [in Ukrainian].
10. Mau V., Ulyukaev A. *Global'nyi krizis i tendentsii ekonomicheskogo razvitiya* [Global crisis and tendencies of economic development]. *Voprosy Ekon. – Quest. Econ.*, 2014, No. 11, pp. 4–24 [in Russian].
11. Shynkaruk L. *Integratsiini mozhlyvosti Ukrainy v ES ta torgivel'ni konflikty z Rosieyu: realii ta mify* [Ukraine's integrational possibilities in EC and trade conflicts with Russia: realities and myths], available at: <http://www.pic.com.ua/v-instituti-ekonomiky-analizuyut-jevointehratsiyu-ukrajiny-v-umovah-torhivelnoji-vijny-z-rf.html#sthash.QaSwKU2c.dpuf> [in Ukrainian].
12. The Global competitiveness Report 2014–2015, available at: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>.
13. The Global Enabling Trade Report 2014. World Economic Forum, available at: <http://www.scribd.com/doc/30982200/Global-Enabling-Trade-Report>.
14. World Investment Report 2014. New York, Geneva, 2014, available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf.
15. Heyets V.M. *Institutsional'naya obuslovlennost' innovatsionnykh protsessov v promyshlennom razvitii Ukrainy* [Institutional conditionality of innovative processes in Ukraine's industrial development]. *Ekon. Ukrainy – Econ. of Ukraine*, 2014, No. 12, pp. 4–19 [in Russian].
16. Heyets V.M. *Bar'ery na puti razvitiya promyshlennosti na innovatsionnoi osnove i vozmozhnosti ikh preodoleniya* [Barriers on a way of development of the industry on the innovative basis and possibilities to overcome them]. *Ekon. Ukrainy – Econ. of Ukraine*, 2015, No. 1, pp. 4–25 [in Russian].
17. Golovatyuk V. *Innovatsiyni rozvytok Ukrain's'koi ekonomiky: svitovyi dosvid* [Innovative development of Ukraine's economy: world experience]. *Dzerk. Tyzhnya – Week's Mirror*, 2014, No. 8 [in Ukrainian].
18. Soloviov V. *Okh, tsi suchasni ekonomisty* [Oh, these modern economists]. *Dzerk. Tyzhnya – Week's Mirror*, 2014, No. 19 [in Ukrainian].
19. Shulga N. *Evolutsiya z pryskorenyam* [Evolution with acceleration]. *Dzerk. Tyzhnya – Week's Mirror*, 2015, No. 5 [in Ukrainian].
20. Zaostrovtssev A. *Ekonomist ob istorii: kontsepsiya Deidry Makkloski* [Economist about the history: Deirdre McCloskey's conception]. *Voprosy Ekon. – Quest. Econ.*, 2014, No. 12, pp. 129–146 [in Russian].
21. McCloskey D. *Ritorika etoi ekonomicheskoi nauki, v: Filosofiya Ekonomiki, pod red. D.M. Khausmana* [Rhetoric of this economic science, in: Philosophy of Economy], edited by D.M. Khausman. Moscow, Gaidar Inst., pp. 399–418 [in Russian].
22. McCloskey D. *Ekonomika s chelovecheskim litsom, ili gumanomika* [Economy with human face or humanomics]. *Vestnik SPbGU. Ser. Ekon. – Bull. St.-Petersburg St. Univ. Ser. Econ.*, 2013, No. 3, pp. 37–40 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2015 г.